

Глава первая

Он пошел за ней в лес за домом. Почва там была усеяна зимним сором — листьями и веточками, которые опали с деревьев в последние полгода и теперь гнили под снежным покрывалом. Она, вероятно, слышала его приближающиеся шаги. Скорее всего, даже обернулась и увидела на его лице шерстяную маску, волокна которой потом нашли у нее под ногтями. А когда упала на колени, останки ломких веточек хрустнули, будто старые кости, и ободрали ее обнаженную кожу. Он с силой придавил ее лицо и грудь к земле, по всей видимости, тыльной стороной предплечья; вероятно, на нее упали капельки воды из дождевальной установки, орошавшей лужайку в каких-то двадцати футах в стороне. Когда ее нашли, волосы у нее были влажные.

Ребенком, дома, она охотилась за струями поливальной машины, пытаясь поймать их знойным летним днем или весело уворачиваясь прохладным весенним вечером. В такие моменты ее маленький братишка, щеголяя нагишом, гонялся за ней, выпятив живот и молотя в воздухе ручонками, еще не способными двигаться в такт с маленькими ножками. Иногда к ним присоединялся и пес — он лаял так оглушительно и неутомимо, что пол-

Уэнди Уокер

ностью перекрывал их смех. Акр зеленой, влажной, скользкой травы. Широкий небесный простор с пушистыми облаками. Мать наблюдала за ними в окно и высматривала отца, возвращавшегося домой с работы, запах которой прочно въелся в его костюм — дешевый кофе из салона по продаже автомобилей, новая кожа и резиновые покрышки. Теперь эти воспоминания причиняли боль, хотя она тут же обратилась к ним, когда ее спросили о струях воды и о том, били ли они в тот момент, когда она бежала через лужайку в лес.

Он насиловал ее около часа. То, что они узнали о продолжительности преступления, казалось невозможным. Данные о степени сворачивания крови в местах проникновения, состояние кровоподтеков на спине, руках и шее, когда он заставлял ее изменить позу. В течение этого часа вечеринка продолжалась как ни в чем не бывало. С места, где он повалил ее на землю, она видела лившийся из окон яркий свет, то угасавший, то вспыхивавший, когда тела перемещались из комнаты в комнату. Вечеринку устроили на славу, позвав не только почти весь десятый класс, но и ребят из девятого и одиннадцатого. Фейрвью Хай Скул, даже для пригорода Коннектикута, по всем стандартам была школой маленькой, и деление на классы, существовавшее в других учебных заведениях, в ней ощущалось не так строго. В спортивных состязаниях, других соревнованиях и концертах принимали участие все — и кто постарше, и кто помладше. Иногда грань и вовсе стиралась, и ребята, наиболее способные к математике или к иностранным языкам, присоединялись к тем, кто пошел в школу на год раньше их. Дженни Крамер никогда не стремилась совершить подобный прыжок через класс, но при этом считала себя сообразительной и наделенной живейшим чувством

Я все помню

юмора. К тому же она была прекрасной спортсменкой — плавание, хоккей на траве, теннис. Но при этом совершенно не задумывалась о явлениях, которые так важны для растущего подросткового организма.

Тот вечер обещал стать лучше любого другого. Я думаю, она даже сказала себе: «Это будет самый замечательный момент в моей жизни». После долгих лет пребывания в состоянии «подросткового кокона», как я его называю, она наконец почувствовала, что природа взяла свое. Жесткие брекететы на зубах, детский жирок, упорно не желавший уходить, груди, слишком маленькие для бюстгалтера, но все же предательски торчавшие из-под футболок, угри и непокорные волосы наконец остались в прошлом. Она была «сорванцом», другом и доверенным лицом мальчишек, неизменно интересовавшихся другими девочками. Но никогда ею. Это ее собственные слова, не мои, хотя мне кажется, что для пятнадцатилетнего подростка она описала все довольно точно. Дженни на удивление хорошо знала все свои слабые и сильные стороны. Несмотря на все, что ей, как и всем остальным, вдалбливали в голову родители и учителя, она, подобно большинству своих сверстниц, твердо верила, что для девушки из Фейрвью важнейшим достоинством всегда остается красота. И обладать ею, в конечном счете, было примерно то же самое, что выиграть в лотерею.

Там был тот парень, Дуг Хастингс. Он пригласил ее на вечеринку в понедельник, в школьном коридоре, между уроками химии и европейской истории. Для девушки это приглашение стало чем-то особенным, она запомнила и что в тот момент на нем было, и выражение его лица, и то, что он немного нервничал, хотя и пытался выглядеть безразличным. Всю неделю она только и ду-

Уэнди Уокер

мала о том, что надеть и какую сделать прическу, а когда в воскресенье утром вышла из дома с матерью, стала прикидывать, лаком какого цвета накрасить ногти. Меня это немного удивило. Исходя из сведений о Дуге Хастингсе, имеющихся в моем распоряжении, я от него не в восторге. И полагаю, что в качестве родителя вполне имею право на подобное мнение. Да, ситуация в его семье вызывала чувство сострадания — тяжелый на руку отец и безвольная мать, жалкая в своих попытках окружить его своей заботой. Но то, что Дженни не сумела его разглядеть, в некоторой степени меня разочаровывает.

На вечеринке было все, чего только можно пожелать. Родители уехали, и ребята, возмнив себя взрослыми, стали смешивать коктейли в фужерах для мартини, а из хрустальных бокалов пить пиво. Дженни увидела Дуга. Но он был не один.

Музыка орала во всю мощь, и она слышала ее с того места, где ее насильовали. Сплошные мегахиты, которые девушка, по ее словам, хорошо знала и слова которых намертво врезаются в память. Но даже сквозь музыку и приглушенный хохот, доносившийся из окон, она слышала другие звуки, звучавшие намного ближе — извращенный хрип насильника и свои собственные сдавленные крики.

Когда он закончил и растворился в темноте, она подняла голову. Должно быть, почувствовала дуновение ветра на щеке и осознала, что кожа в этом месте влажная. Некоторые веточки прилипли к лицу, будто ее ткнули в клей, только-только начавший высыхать.

Она оперлась на руку и, видимо, услышала какой-то звук.

Кое-как сумев сесть прямо, девушка попыталась стереть грязь и провела по щеке тыльной стороной ладони.

Я все помню

Остатки сухих листьев упали на землю. В этот момент она, вероятно, увидела, что ее юбка задралась, обнажив промежность. Опираясь уже на две руки, она, скорее всего, проползла некоторое расстояние, желая подобрать нижнее белье. Когда ее нашли, она сжимала его в руке.

Звук, по-видимому, нарастал, потому что его наконец услышали парень с девушкой, искавшие уединения неподалеку во дворе. Когда она вновь поползла к лужайке, веточки на земле под весом ее ладоней и коленок стали сухо потрескивать. Я очень хорошо представляю себе, как она ползла, пошатываясь, будто пьяная, как от шока время для нее будто остановилось и как потом наконец она села и попыталась оценить нанесенный ей ущерб, глядя на разорванные трусики и чувствуя обнаженными ягодицами землю.

Трусики были разодраны настолько, что носить их уже было нельзя. Она вся была забрызгана грязью и кровью. Услышанный ею звук нарастал, и она спросила себя, сколько времени провела в лесу.

Вновь встав на четвереньки, девушка поползла дальше. Но с каждым метром, который она преодолевала, звук становился все громче и громче. Должно быть, ей отчаянно хотелось от него убежать, добраться до мягкой травы, покрытой чистой росой, оказаться на той самой лужайке, по которой она шла в лес.

Девушка проползла еще пару футов, опять остановилась и, по-видимому, только в тот момент осознала, что этот звук, тревожный стон, раздается у нее в голове и срывается с ее собственных уст. Усталость затопила все ее естество, ноги и колени под ней подогнулись и она рухнула на землю.

Она рассказывала, что всегда считала себя сильной девочкой, спортсменкой, наделенной огромной волей.

Уэнди Уокер

Сильной телом и духом. Отец внушал ей это с самого детства, когда она была совсем еще крохотулей. *Стань сильной телом и духом, и тогда жизнь твоя будет прекрасной.* Может, она велела себе подняться. Может, приказывала рукам и ногам двигаться, но здесь воля ее была бессильна, конечности отказались ей повиноваться, и обессилевшая девушка, вместо того чтобы вернуться в дом, свернулась в позе зародыша на грязной земле.

По щекам катились слезы, голос вторил им этим жутким воем, который она наконец услышала — услышала и обрела в этом спасение. С той ночи она без усталости спрашивала себя, почему ни одна клеточка ее естества, ни мышцы, ни разум, ни воля, не смогли положить конец происходящему. Ей не удавалось вспомнить, пыталась ли она бороться с насильником, кричала ли, звала ли на помощь или же просто сдалась и пустила все на самотек. Пока все не закончилось, ее никто не слышал. По ее словам, теперь она знает, что после каждого сражения всегда есть победитель и побежденный, триумфатор и его жертва, и что ей, в конечном счете, пришлось признать правду — она потерпела полное и безвозвратное поражение.

Впервые услышав историю изнасилования Дженни Крамер, я не мог сказать, что в ней правда, а что нет. Она была воссоздана на основе собранных улики, свидетельств очевидцев, криминально-психологических характеристик и разрозненных, обрывочных сведений, которые смогла предоставить память Дженни после проведенного лечения. Врачи говорят, что оно произвело поистине магический эффект, вытравив из человеческого мозга самую чудовищную травму, хотя на самом деле в нем не было ничего волшебного, как и в науке, которая зани-

Я все помню

мается подобными вопросами — она тоже не особо впечатляет.

Но это я объясню позже. А вот сейчас, в самом начале нашей истории, мне хочется сказать, что никакого чуда для этой прекрасной юной девушки не произошло. То, что с корнем вырвали из ее головы, продолжало жить в теле, в душе, и я чувствовал, что просто обязан вернуть ей отнятое. Вам это может показаться очень странным, парадоксальным и опасным.

Фейрвью, как я уже говорил, городок маленький. Я видел фотографии Дженни Крамер в местной газете, на объявлениях о школьных спектаклях и турнирах по теннису, вывешенных в витрине «Джайна'з Дели» на улице Ист-Мейн. Узнавал ее, когда она гуляла, когда выходила с друзьями из кинотеатра и появлялась на концертах в школе, в которую ходили и мои собственные дети. Ее окружала аура невинности, идущая вразрез со взрослостью, к которой она так стремилась. Даже в коротеньких юбочках и футболках до пупка, которые сейчас в большой моде, она была девочкой, но никак не женщиной. Глядя на нее, я думал, что в этом мире не все так плохо. С моей стороны было бы нечестно утверждать, что подобные чувства я питал ко всем подросткам, которые, как порой кажется, лишили нашу жизнь порядка, будто стая саранчи. Засевшим в своих телефонах, не проявляющим интереса ни к чему, кроме сплетен о знаменитостях да сиюминутных, мимолетных удовольствий в виде клипов, музыки и саморекламы во всевозможных «Твиттерах», «Инстаграмах» и «Снэпчатах». По своей природе подростки себялюбивы и эгоистичны. Мышление у них незрелое. Но некоторые из них, похоже, в переходном возрасте остаются милыми и приятными, резко выделяясь на общем фоне. Когда вы здоро-

Уэнди Уокер

ваются с ними, они заглядывают вам в глаза, вежливо улыбаются, пропускают вперед только потому, что вы старше, и понимают, какую роль играет уважение в развитом обществе. К таковым принадлежала и Дженни.

От потерянного вида этой девочки, в душе которой когда-то клочкотали энергия и радость, я злился на все человечество. Зная, что случилось в том лесу, я с трудом сдерживался, чтобы мысленно не перенестись туда. Ужасы и насилие, в том числе сексуальное, притягивают каждого из нас. Мы притворяемся, что это не так, но подобные наклонности заложены в нас самой природой. Когда на обочине дороги стоит «скорая», водители притормаживают и ползут как черепахи, чтобы бросить взгляд на израненное тело. Что еще не делает нас воплощением зла.

Тело этого замечательного ребенка осквернили, над ним надругались. Лишили целомудрия и сломали дух. В моих устах это звучит как-то театрально. Напоминает заезженные штампы. Но этот человек вторгся в ее естество с такой силой, что потребовалось хирургическое вмешательство. Это надо учесть. Как и то, что он покусился на девочку, по всей видимости, надеясь, что она девственна. Так что он раздавил не только ее тело, но и невинность. Не забудем также о физической боли, которую она испытывала, когда он рвал в клочья самые сокровенные участки ее плоти. А заодно примем во внимание и то, что он искромсал за тот час, когда истязал ее, когда вновь и вновь вторгался в нее, при этом, не исключено, глядя в глаза. Что выражало ее лицо, доставляя ему радость? Удивление, страх, ужас, агонию, безропотность и, наконец, полнейшую апатию — когда она отключилась от происходящего. Все эти чувства были частичками ее мира, которые монстр отнял и сожрал.

Я все помню

Как и мечты о первых объятиях с любимым, об историях пылкой любви, когда-то витавших у нее в голове и заставлявших улыбаться при одной мысли о том, что ее обожают больше всех на свете, ведь даже после проведенного лечения она все равно помнила о том, что произошло. И что ей осталось, этой девочке, превращающейся в женщину? Ведь то самое сокровенное, чем живет человеческое сердце на протяжении всей жизни, для нее было утрачено.

Она помнила резкий запах, хотя и не могла его точно определить. Она помнила песню, хотя та, вероятно, звучала не раз. Помнила события, заставившие ее выйти на улицу через черный ход, пересечь лужайку и углубиться в заросли. Воспоминания о дождевальном устройстве в памяти не сохранились и вошли в ее рассказ только после того, как история была тщательно воссоздана. Эта установка, управляемая таймером, включалась в девять и выключалась в десять. Двое вышедших на задний двор влюбленных, которые ее нашли, сказали, что трава была мокрой, но в воздухе влаги уже не ощущалось. Значит, ее изнасиловали незадолго до окончания полива.

Дуг в тот момент был с другой девушкой, на несколько лет моложе его, которая использовала его, чтобы вызвать ревность у мальчика постарше. Вряд ли нам стоит тратить силы на объяснение бессодержательной мотивации этой странной особы. Для Дженни была важна лишь неделя фантазий, в которые она вложила все свои девичьи чаяния, но которые в мгновение ока развеялись как дым. Вполне предсказуемо, она попыталась утопить горе в спиртном. Ее лучшая подруга Вайолет вспоминала, что Дженни стала пить водку, но уже через час ее стошнило в ванной комнате. Кое-кому от этого

Уэнди Уокер

стало весело, но ее подобное поведение лишь еще больше унизило. По всей видимости, для этой вечеринки с самого начала сочинили сценарий «шоу с участием убогой» из числа тех, что в последнее время буквально сводят всех с ума. Хотя то, что произошло потом, когда она убежала в лес, чтобы поплакать, в него не входило.

Я злился. Но просить за это прощения не собираюсь. Требовал, чтобы того, кто это сделал, постигло заслуженное наказание. Но с провалами в памяти, без надежных юридических доказательств, не ограничивающихся исключительно волокнами шерсти под ногтями девушки, потому как это чудовище приняло меры предосторожности, о правосудии речь больше не шла. Фейрвью городок маленький. Да, знаю, это я уже говорил. Но вы должны понимать, что чужак не поедет сюда специально, чтобы совершить злодеяние. Когда по нашему крохотному центру идет незнакомый человек, все тут же поворачивают в его сторону голову. Не потому, что в чем-то его подозревают, а так, из любопытства — обращаю на это ваше внимание. Кто это? Чей-нибудь родственник? Или, может, новый житель города, приехавший невесть откуда? На праздники и соревнования, на торжества, спортивные состязания и ярмарки к нам приезжают гости. Прибывают из других городов, и мы всегда им рады. В массе своей мы люди дружелюбные и доверчивые. Но в обычную субботу или воскресенье чужаки неизменно привлекают к себе внимание.

Из всего этого напрашивается вполне очевидный вывод: если бы Дженни не подвергли лечению и оставили нетронутой ее память, она вполне могла бы его узнать. Волокна под ногтями ясно указывают на то, что она схватилась за маску. Может, сорвала ее, может, просто приподняла достаточно, чтобы увидеть лицо. Возможно,

Я все помню

услышала голос. Или он весь час, когда насиловал ее, молчал как рыба? Маловероятно, правда? Она могла бы сказать, какого он роста, худой или упитанный. Может, у него были старые, морщинистые руки или же кожа на них, наоборот, была молодой и гладкой. Может, она видела у него кольцо, золотую цепочку или эмблему какого-нибудь спортивного клуба. Или заметила, во что он обулся, когда шел на преступление, — в кроссовки, мокасины или грубые ботинки военного образца? Какие они были — поношенные, начищенные, лаковые? Смогла бы она его узнать, стоя у палатки с мороженым, в кофейне или в очереди в школьную столовую? Или, может, почувствовала бы его нутром? Час — достаточно большой промежуток времени для того, чтобы узнать чужое тело.

Не исключено, что желать Дженни Крамер чего-то подобного было бесчеловечно. Упорствуя в своем желании, я, вероятно, проявлял по отношению к ней жестокость. Позже вы увидите, что это привело к весьма неожиданным последствиям. Но несправедливость произошедшего, гнев, который я от этого испытывал в душе, склонность переносить на себя ее страдания — все это заставило меня упорно идти к поставленной цели. И вновь погрузило Дженни Крамер в самый жуткий кошмар.

Глава вторая

Родителей Дженни вызвали на десять тридцать. В тот вечер их пригласили к себе на ужин друзья по загородному клубу. Шарлотта Крамер, мать Дженни, была этим недовольна и злилась, когда они ехали на машине через город. Говорила, что лучше было поужинать в клубе — по словам ее мужа Тома, ей нравилась царившая там атмосфера общения. Коктейли всегда подавали в большой гостиной и независимо от того, в какой компании вы планировали провести вечер, всегда был шанс поговорить с кем-то еще.

Том это заведение недолюбливал и посещал его только для того, чтобы в воскресенье сыграть традиционную партию в гольф со старым приятелем по колледжу и отцами двух участников школьной команды по легкой атлетике, в которую входила и Дженни. Шарлотта, в отличие от него, была очень компанейской и прилагала массу усилий для того, чтобы в следующем сезоне войти в комитет распорядителей фондов клуба. Поэтому каждую субботу, проведенную вне его стен, воспринимала как утраченную возможность. Это был один из многих поводов для разногласий в их семье, поэтому после традиционного обмена комментариями

Я все помню

и замечаниями непродолжительная поездка на автомобиле закончилась гробовым молчанием и взаимным раздражением.

Они вспомнили об этом позже. Какими же мелкими показались им те проблемы после бесчеловечного изнасилования дочери!

Одна из прелестей маленького городка заключается в том, что люди на ходу меняют правила, если считают это уместным. Призрак страха перед необоснованным порицанием и даже осуждением здесь не нависает такой мрачной тучей, как в городах покрупнее. Поэтому детектив Парсонс, позвонив Крамерам, не сообщил им, что случилось, а сказал лишь, что Дженни, напившюся на вечеринке, отвезли в больницу. И тут же успокоил их, сказав, что жизни девушки ничто не угрожает. Том потом был благодарен за то, что их избавили от мучительной агонии в течение тех нескольких минут, когда они ехали после ужина в больницу. После того, как они узнали о несчастье, каждая минута для отца Дженни превратилась в невыносимую муку.

Шарлотта, в отличие от него, не испытывала в душе такой благодарности и после всех недомолвок разозлилась на нерадение дочери. О случившемся тут же узнает весь город! Что подумают об их семье?! По дороге в больницу они обсуждали, как наказать Дженни — посадить ее под домашний арест или же отнять телефон. Когда они узнали правду, в душе Шарлотты, как водится, пробудилось чувство вины, в результате тот факт, что им с самого начала не сказали всего, вызвал в ее душе бурю негодования. Но это вполне объяснимо, особенно когда человеку сначала дают повод злиться на ребенка, а потом вдруг сообщают, что он стал жертвой столь чудовищной агрессии. Но в этом деле я, скорее, отожде-

Уэнди Уокер

ствлял себя с Томом. Может, потому что и сам являюсь отцом, а не матерью.

Когда они приехали, в холле никого не было. В последние несколько лет в больнице на собранные средства велся ремонт, и его результаты, в глазах многих не столько основательные, сколько косметические, были налицо. Деревянные панели на стенах, новый ковер, мягкий свет и классическая музыка, лившаяся из скромно висевших по углам беспроводных динамиков. Шарлотта тут же «гневно ринулась» (по выражению Тома) к дежурной медсестре. Том тоже подошел и встал рядом. Затем закрыл глаза и подождал, пока музыка не утихомирила бушующую кровь. Он боялся, что Шарлотта поведет себя слишком грубо, и поэтому хотел немного ее урезонить. Дженни нуждалась в сне и отдыхе, ей обязательно нужно было знать, что папа с мамой ее по-прежнему любят и что с ней все будет в порядке. Последствия подождут до тех пор, пока они оба не протрезвеют и в головах у них не прояснится.

Крамеры прекрасно знали свои роли в семье. Приучать дочь к дисциплине было делом Шарлотты. Что же касается их сына, то здесь ампула менялись местами в силу как возраста, так и пола. Том описывал подобную схему как нечто совершенно обычное — так должно быть, на сходных принципах строится каждая семья. И теоретически был прав. Человеку всегда приходится играть ту или иную роль, рушить одни союзы и создавать другие, прикидываться то хорошим полицейским, то плохим. Однако в случае с Крамерами все естественные приливы и отливы отступали перед требованиями Шарлотты, в то время как остальным доставалось лишь то, что она не объявляла сферой своих исключительных интересов. Иными словами, «нормальность», которую

Я все помню

Том так старательно приписывал их семье, на самом деле была абсолютно ненормальной и напроць лишенной состоятельности.

Открывая дверь, ведущую в палаты, медсестра сочувственно им улыбнулась. Крамеры ее не знали, но то же самое относилось почти ко всему младшему персоналу больницы. Низкооплачиваемые медицинские работники редко жили в Фейрвью и по большей части приезжали на работу из соседнего Крэнстона. Ее улыбка Тому запомнилась. Она стала первым намеком на то, что с дочерью произошло несчастье пострашнее, чем их до этого уверяли. Люди склонны недооценивать скрытые послы в мимолетных выражениях лица. Ну подумайте о том, как бы вы улыбались другу, чей несовершеннолетний ребенок напился в стельку. Сочувствие, которое сквозило бы в вашей мимике, имело бы скорее комичный характер. «С подростками так тяжело, порой они бывают просто невыносимы. Достаточно вспомнить, какие мы сами были в этом возрасте!» — говорила бы она. А теперь поразмыслите о том, как бы вы улыбались, если бы подросток подвергся жестокой агрессии. Все ваше естество наверняка говорило бы: «Боже праведный! Я так вам сочувствую! Бедная девочка!» Это присутствовало бы в глазах, в пожимании плечами, в изгибе губ. Увидев улыбку медсестры, Том тут же забыл о жене, которую до этого все пытался утихомирить, и захотел немедленно увидеть дочь.

Миновав череду бронированных дверей, они оказались в приемном покое и подошли к другой круглой стойке с компьютерами, где медсестры вели документацию. Там их встретила другая женщина и другая встревоженная улыбка. Она сняла телефонную трубку и позвонила доктору.

Уэнди Уокер

Вполне могу себе представить их в тот момент. Шарлотта в бежевом платье для коктейлей с волосами, аккуратно заколотыми шпильками в пучок, и сложенными на груди руками, рисуется и злится. Как на Дженни, так и на персонал, который, по ее мнению, осуждает дочь и перемывает ей кости. И Том, на полфута выше жены, переминается с ноги на ногу, засунув руки в карманы брюк цвета хаки, все больше и больше нервничает по мере того, как его инстинкты льют воду на мельницу проносащихся в голове мимолетных мыслей. Потом они оба сойдутся во мнении, что те несколько минут, когда они ждали врача, показались им долгими часами.

Будучи женщиной восприимчивой и ранимой, Шарлотта сразу засекала трех полицейских, потягивавших в углу кофе из бумажных стаканчиков. Они говорили с медсестрой, повернувшись к Крамерам спиной. Потом сестра увидела Шарлотту, послышался шепот, они повернулись и взглянули на нее. Том смотрел в другую сторону, но и от него не ускользнуло повышенное внимание, которое они к себе привлекали.

Ни один из них впоследствии не помнил, какие конкретно слова произнес врач. Шарлотта наверняка быстро констатировала, что они знакомы — дочь доктора училась в той же начальной школе, что и Лукас, только на класс младше, поэтому теперь ее все больше и больше волновала запятнанная репутация Дженни и то, как случившееся отразится на их сыне. Доктор Роберт Бейрд. Под сорок. Тучный, с жидкими светло-каштановыми волосами и добрыми голубыми глазами, сужавшимися в щелочки когда он произносил определенные слова, от которых щеки его поднимались вверх. И Шарлотте, и Тому запомнились какие-то обрывки фраз, когда он стал говорить о травмах.

Я все помню

Внешние повреждения промежности и ануса... разрывы тканей в области влагалища и прямой кишки... кровоподтеки на шее и спине... хирургическое вмешательство... швы... улучшение состояния.

Слова вылетали из его рта и парили где-то рядом, будто произнесенные на иностранном языке. Шарлотта качала головой и с безразличным видом твердила «нет». Она решила, что их спутали с родителями какой-то другой пациентки, и пыталась остановить доктора, стараясь уберечь его от последующего смущения и замешательства. Женщина еще раз себя назвала и сказала, что ее дочь привезли в больницу только потому, что она «перебрала» на вечеринке. Том потом вспоминал, что в тот момент хранил молчание, будто полное отсутствие звуков с его стороны позволяло остановить время перед тем, как оно двинется дальше по пути, который он уже разглядел.

Доктор Бейрд умолк и бросил взгляд в сторону полицейских. Один из них, детектив Парсонс, направился к ним — медленно и с явной неохотой. Том с Шарлоттой отошли в сторонку. Парсонс заговорил с Бейрдом. Доктор покачал головой и посмотрел на свои черные туфли. Затем вздохнул. Парсонс пожал плечами с таким видом, будто за что-то извинялся.

Потом Бейрд повернулся, подошел к Крамерам и, сложив на груди руки, будто в молитве, сказал всю правду — сжато и без обиняков.

Вашу дочь нашли в лесу за домом на Джанипер Роуд. Ее изнасиловали.

Доктор Бейрд запомнил звук, который в тот момент издал Том Крамер. Не слово, не стон, не сдавленный крик — что-то такое, чего он раньше никогда не слышал. Он звучал отголоском могилы, будто какая-то частичка

Уэнди Уокер

естества Тома умерла насильственной смертью. Колени у него подогнулись, он стал заваливаться на Бейрда, но тот подхватил его под руки и не дал упасть. На помощь тут же бросилась медсестра, предложила Тому сесть в кресло, но он отказался.

Где она? Где моя девочка? — спросил он, оттолкнув от себя доктора. Потом рванулся к занавескам палат приемного отделения, но сестра схватила его сзади и не пустила.

Ваша девочка там, — сказала она. — *С ней все будет в порядке... она спит.*

Они подошли к палате, и сестра отдернула занавеску.

Поскольку у нас тоже есть дочь — наш первенец, ее зовут Меган, сейчас она уехала и учится в колледже, — жена как-то призналась мне, что не раз примеряла на себя подобные ситуации. Когда увидела, как Меган впервые выехала со двора за рулем нашей машины. Когда она уехала в Африку по программе летнего отдыха. Когда мы застали ее взбирающейся на высокое дерево, что теперь кажется нам событием далекого-далекого прошлого. И таких примеров можно было бы привести великое множество. Жена закрывала глаза, в ее воображении рисовались то груда искореженного металла вперемешку с изуродованными человеческими останками, то вождь дикого, воинственного племени с мачете в руке, перед которым наша дочь, рыдая, стоит на коленях. Или безжизненное тело со свернутой шеей, лежащее на траве. Родители живут со страхом в душе, и то, как мы с этим страхом справляемся, как перебарываем его, зависит от слишком большого количества факторов, перечислять которые здесь нет никакой нужды. Моя жена вынуждена проходить через все это, видеть перед

Я все помню

глазами подобные образы и испытывать в душе боль. Затем она складывает все это в коробочку, ставит на полку, а когда ее неотступно начинает одолевать беспокойство, смотрит на коробочку, пропускает тревогу через себя, не позволяя ей поселиться в глубинах ее естества, и продолжает радоваться жизни.

Она описывала мне подобные образы, иногда немного всплакнув у меня на груди. В основе каждого ее рассказа неизменно лежало тесное соседство чистоты и порочности, добра и зла, и это постоянство меня в немалой степени интриговало, потому как что может быть чище и прекраснее ребенка?

В палате Том Крамер взглянул на дочь и увидел то, что моя жена только рисовала в своем воображении. Небольшие косички, стянутые резинками, разбитое в кровь лицо. Потехи черной туши на щеках, все еще пухлых, как у ребенка. Розовый лак на сломанных ногтях. Одинокая серьга в ухе с камешком, соответствующим ее знаку зодиака, вторая мочка порвана и окровавлена. Эти серьги он купил дочери на день рождения. Вокруг — металлические столы с инструментами и пропитанными кровью тампонами. Врачи еще не довели свое дело до конца, поэтому в палате пока не убрано. Рядом с Дженни на стуле сидит женщина в белом халате и меряет ей давление. У нее стетоскоп, она достаивает их лишь мимолетным взглядом и тут же возвращается к шкале тонометра на гибком резиновом шланге. В углу, стараясь никому не мешать, стоит женщина-полицейский, в руках у нее открытый ноутбук.

Подобно тому, как на пороге смерти «перед глазами человека проходит вся жизнь», Том вдруг увидел Дженни новорожденной, завернутой в розовое одеяло. Вновь ощутил теплое дыхание на шее, когда она засыпала у

Уэнди Уокер

него на руках, почувствовал крохотную ручку в своей ладони и тельце, крепко обнимавшее его за коленку. Услышал радостное хихиканье, доносящееся из пухлого, мягкого животика. Его отношения с дочерью не были омрачены подводными камнями неправильного поведения. Это, скорее, был удел Шарлотты Крамер, и в этом отношении, должен заметить, она, сама того не сознавая, сделала им обоим подарок.

Ярость и гнев к насильнику пришли, но не в тот момент, а позже. В ту минуту Том видел, слышал и чувствовал только одно — собственную неспособность защитить свою маленькую девочку. Отчаяние его не поддается ни измерению, ни сколько-нибудь адекватному описанию. Он расплакался как ребенок — рядом с медсестрой, рядом с дочерью, безжизненно лежащей на кровати.

Шарлотта Крамер стояла за его спиной вместе с доктором. Каким бы шокирующим это вам ни показалось, но изнасилование дочери она воспринимала как проблему, которую нужно как-то решать. Для нее оно было чем-то вроде лопнувшей трубы, грозившей затоплением подвала. Или даже пожара, после которого дом сгорел дотла, но они выжили и теперь стояли посреди развалин. Причем последний момент, то, что они выжили, в этой истории был ключевым. И мысли ее постоянно обращались к вопросу строительства нового дома взамен старого.

Шарлотта скрестила на груди руки и посмотрела на доктора Бейрда.

Как это произошло? — спросила она.

Врач на мгновение застыл в нерешительности, не понимая, что она имеет в виду.

От Шарлотты его замешательство не ускользнуло.

Я все помню

Кто это сделал? Какой-нибудь мальчишка, присутствовавший на вечеринке и потерявший голову? Вы же знаете, как это бывает.

Бейрд покачал головой.

Мне об этом ничего не известно. Спросите детектива Парсонса, он, должно быть, знает больше меня.

Шарлотта огорчилась.

Я имею в виду результаты обследования. Вы сделали соответствующие анализы?

Да. Этого от нас требует закон.

Может, нашли что-нибудь особенное?

Миссис Крамер, — сказал Бейрд, — давайте вы сначала взглянете на Дженни, а потом мы с вами и вашим мужем обсудим это в более спокойной обстановке.

Шарлотте его предложение не понравилось, но она все же сделала так, как он просил. Ее нельзя назвать трудным человеком, и если в моем повествовании я описываю ее иначе, то категорично заявляю, что делаю это непреднамеренно. К Шарлотте Крамер я питаю огромное уважение. У нее была непростая жизнь, в детстве она тоже получила травму, но оправилась после нее удивительно легко, что нашло отражение в силе духа и ее характере. Думаю, она на самом деле любила мужа, даже когда изводила его и мучила. И любила детей, причем одинаково, даже если и поднимала выше планку для Дженни. Но ведь любовь — категория искусства, а не науки. Каждый из нас может описывать ее разными словами и по-разному ощущать внутри своего естества. Одних она заставляет плакать, других смеяться. Одни от нее печалются, другие злятся. Одних она будоражит, другим приносит удовлетворение и убаюкивает.

Шарлотта воспринимала любовь через некую призму. Объяснить это так, чтобы мои слова не звучали осу-

Уэнди Уокер

ждающе и чтобы вы не прониклись к ней неприязнью, очень трудно. Но Шарлотта отчаянно нуждалась в модели, вынесенной из детства, — в традиционной (полагаю, она даже сказала бы «скучной») американской семье. Она любила свой город, потому что в нем жили люди, работающие не покладая рук, разделяющие ее воззрения и исповедующие высокие моральные принципы. Любила свой дом, потому что он воплощал в себе Новую Англию в тихом, спокойном окружении. Ей нравилось быть замужем за Томом по той простой причине, что он был человек семейный и имел хорошую, хотя и не выдающуюся работу, ведь если человек занимается чем-то исключительным, то ему уже не до семьи. Том руководил несколькими автосалонами и, что важно, продавал такие престижные марки, как «БМВ», «Ягуар» и им подобные. Мне говорили, что это совсем другое дело, чем «торговлишка» какими-нибудь завалыми «Хендэ». О том, любила ли бы Тома Шарлотта без всего этого, не ведали ни он, ни она. Она любила Дженни и Лукаса, потому что они были ее детьми, а еще потому, что воплощали собой все, что только должны воплощать дети. Сообразительные, спортивные и послушные (по большей части), но также шумные, озорные, глупые, неустанно требующие упорного труда и массы усилий, что позволяло Шарлотте с пользой проводить время, да еще часами обсуждать поведение сына и дочери с подругами по клубу за ланчем. Каждый фрагмент этой картинки она любила страстно и глубоко. Поэтому когда Дженни «сломалась», она отчаянно бросилась ее «чинить». Как я уже говорил, ей хотелось как можно быстрее построить новый дом.

Привезя Дженни в отделение «скорой помощи», ее тут же напичкали успокоительными. Ребята, которые ее

Я все помню

нашли, говорили, что она то теряла сознание, то вновь приходила в себя, хотя это, скорее всего, было результатом не столько опьянения, сколько шока. Глаза ее оставались открытыми, она могла сидеть и даже дошла через лужайку до кресла в гостиной почти без посторонней помощи. По их словам, порой она узнавала их, понимала, где находится и что с ней случилось, но уже несколько секунд спустя совершенно не могла ответить на их вопросы. Кататония. Дженни позвала на помощь. Стала плакать и кричать. Затем побелела как мел. О тех же симптомах говорили и врачи «неотложки», но давать человеку успокоительные не в их правилах. Истерика охватила Дженни уже в больнице, когда ее начали осматривать. Чтобы облегчить ее страдания, доктор Бейрд сделал назначение. Крови было вполне достаточно, чтобы персонал встревожился и прибегнул к использованию седативных препаратов для проведения обследования пациентки без чьего-либо согласия.

Несмотря на напускное спокойствие Шарлотты, вид дочери поразил ее до глубины души. По сути, у меня было такое ощущение, что в первый момент она испытала примерно те же чувства, что и Том. Хотя они почти не прикасались друг к другу за пределами спальни (а там только чтобы выполнить рутинный супружеский долг), она обеими руками схватила Тома за предплечье. Затем спрятала лицо в рукав его рубашки и прошептала: «О боже!» Плакать Шарлотта не стала, но Том чувствовал, как ее ногти все сильнее впивались в его кожу по мере того, как она старалась овладеть собой. Женщина попыталась проглотить застрявший в горле ком, но вдруг обнаружила, что во рту у нее совершенно пересохло.

Детектив Парсонс наблюдал за ними из-за занавески. Он запомнил их черты в тот момент, когда они гля-

Уэнди Уокер

дели на дочь. Лицо Тома исказилось и было мокрым от слез, на нем явственно читалась агония. Шарлотта, на какое-то время потерявшая самообладание, теперь выглядела решительной. Парсонс назвал ее гримасу «одревеневшей верхней губой». Потом он говорил, что чувствовал себя не в своей тарелке, глядя на них в тот глубоко сокровенный момент, хотя взгляда все равно не отвел. Рассказывал, что слабость Тома и сила Шарлотты произвели на него неизгладимое впечатление, хотя любой другой, отличающийся не столь примитивными представлениями о человеческих эмоциях, тут же понял бы, что все было как раз наоборот. Чтобы выразить эмоцию, нужно намного больше сил, чем для того, чтобы ее подавить.

Доктор Бейрд стоял рядом с ними и вчитывался в карту, прикрепленную металлическим зажимом к спинке кровати Дженни.

Может, поговорим в комнате для родственников и близких? — предложил он.

Том кивнул и вытер слезы. Затем склонился над дочерью и поцеловал ее в макушку. Из его груди вырвалось еще несколько сдавленных рыданий. Шарлотта отбросила с лица Дженни непокорную прядку волос и погладила по щеке тыльной стороной ладони.

Милый мой ангелочек... милый, славный мой ангелочек... — прошептала она.

Вслед за доктором Бейрдом и детективом Парсонсом они направились к веренице закрытых дверей. За ними оказался еще один коридор, который привел их в небольшую комнату с телевизором и кое-какой мебелью. Бейрд спросил, не принести ли Крамерам кофе или что-нибудь поесть, но те отказались. Бейрд закрыл дверь. Парсонс сел рядом с ним — напротив четы Крамеров.

Я все помню

Теперь приведем слова Шарлотты о том, что произошло дальше:

Они не ходили вокруг да около и устроили нам форменный допрос. Интересовались грузьями Дженни, спрашивали, знали ли мы о предстоящей вечеринке, не было ли у нее проблем с какими-нибудь мальчиками, не упоминала ли она о том, чтобы ее кто-то гонимал в школе, в городе или же в социальных сетях. Том отвечал будто в тумане, мне казалось, что он никак не может понять, что мы просто избегаем того, что должны обсуждать. Я не говорю, что эти вопросы были не к месту или что мы не должны были на них отвечать. Но я смертельно устала и была на грани отчаяния, понимаете? И хотела, чтобы мне самой кто-нибудь что-то рассказал. Я прилагала невероятные усилия для того, чтобы Том «оставался мужчиной», потому как знаю свою склонность все держать под контролем. Ни один человек не станет жаловаться, когда в доме царит идеальный порядок, когда в холодильнике есть все необходимое, когда одежда выстирана, выглажена и разложена в шкафу. В то же время... я действительно стараюсь, потому что знаю насколько важно для мужчины оставаться в браке мужчиной. Но в тот раз с собой не совладала. Просто не смогла.

Я их перебила, всех этих мужчин, и сказала: «Кому-то из вас придется рассказать, что случилось с нашей дочерью». Доктор Бейрд и детектив переглянулись с таким видом, будто ни один из них не хотел быть первым. Жребий достался врачу. И тогда он рассказал нам все. Рассказал, как она была изнасилована. Совсем не то, на что я надеялась. Насильником был отнюдь не мальчик, в которого Дженни была влюблена и который потерял голову. Боже мой, я прекрасно понимаю, как мерзко это

Уэнди Уокер

звучит. Феминистки за что-нибудь подобное оторвали бы мне голову, да? Я отнюдь не хочу сказать, что подобное преступление не является изнасилованием или что за него не надо наказывать. Поверьте мне, Лукас, когда погратет, убедится, в какой ситуации можно оказаться, если парень не уверен, что девушка согласна. Я действительно считаю, что мужчины несут ответственность и должны понимать, что когда дело доходит до секса, они с женщинами находятся в неравных условиях. И не только по причине физиологических различий. Здесь также задействована и психика — тот факт, что на девушек оказывают давление, заставляя делать то, чего они не хотят, а парни, мужчины, плохо понимают, через что женщине приходится проходить. Как бы там ни было, это было совсем не то, на что я надеялась. По сути, случилось то, чего я больше всего боялась. Об этом рассказал детектив Парсонс. На насильнике была маска. Он сбил Дженни с ног и прижал к земле лицом вниз. А потом... Простите. Мне трудно произнести это вслух. Слова звучат у меня в голове, но вымолвить их — совсем другое дело.

Шарлотта на мгновение умолкла, чтобы собраться с мыслями. У нее был собственный метод, которым она неизменно пользовалась. Закрывать глаза, медленно сделать глубокий вдох, тряхнуть головой и так же медленно выдохнуть. Вновь открыв глаза, она сначала посмотрела вниз, затем кивнула в знак того, что полностью овладела собой.

Я просто скажу все как есть, и на том покончим. Ее насиловали и спереди, и сзади, обычным и извращенным способом в течение часа. Да. Я это произнесла. Дело сделано. Врачи провели все необходимые анализы, обнаружив следы спермицида и латекса. Этот... эта тварь

Я все помню

использовала презерватив. Не нашли ни единого волоска, и судебные эксперты, прибывшие позже из Крэнстона, сказали, что он, скорее всего, предварительно все себе выбрил. Представляете? К этому изнасилованию он готовился, как пловец к Олимпийским играм. Но золотой медали ему не видать, правда? Физические раны затянутся, не оставив после себя ни малейших следов. Дженни, по ощущениям, даже не будет отличаться от других женщин. А вот эмоционально...

Она вновь умолкла, на этот раз не столько, чтобы овладеть собой, сколько чтобы немного подумать. Потом голосом, в котором отчетливо слышалось пренебрежение, продолжила:

Я помню, что подумала: «Слава тебе, Господи, что моей девочке обеспечили надлежащий уход. Все, что он с ней сделал, нашими стараниями пройдет без следа». Поэтому прошу прощения за бедность речи, но мысль, которая тогда пришла мне в голову, можно выразить так: «Да пошел он!» Для нас его больше нет.